

Все книги на свете
написаны одной рукой...

Ральф Уолдо Эмерсон.

«Essays», 2, VIII

ПРОЛОГ

Пурпурная, как полотница боевых племен Империи, заря поднималась из глубоких расщелин гор, окружающих Ультуан. Едва первые лучи рассвета коснулись мозаичных стекол Белой Башни Хоэта, по мраморным плитам ее полов поползли кружевные тени от кованых решеток на окнах башни.

Звонко цокая каблуками по плитам, в зал ворвалась Валайя. На ходу сбросив в кресло тяжелый лук, она приблизилась к столу и спросила:

— Надеюсь, была весомая причина?

Сидящий во главе стола Таал показал ей на искрящийся многогранный рубин, лежащий на испи-санном странными письменами пергаменте.

— Четырнадцатый принцип определил хозяина.

— Кто он?

— Ты не поверишь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бедняге Ленскому публика не верила, во всяком случае, ничто в его облике не подразумевало амурную скорбь, а после фразы «я люблю вас, Ольга» зал испытывал больше сострадания к упомянутой девице, нежели к вислозодому «баритону» средних лет с внешностью спивающегося аудитора.

Тут-то и позвонил телефон. Судорожно пытаюсь прикрыть динамик, верещащий мелодией из популярного кинофильма, Сергей двинулся к выходу из концертного зала. Под неодобрительным взглядом пожилой женщины в униформе театрального администратора молодой человек выскочил в холл, приложил телефон к уху и услышал голос Петра Алексеевича — владельца мебельного салона, где он работал.

— Ты где был?! — в категоричной форме заинтересовался начальник.

— В опере, у меня выходной, — сразу начал оправдываться Сергей.

— Короче, бросай все и мигом на работу, — не терпящим возражений тоном потребовал Петр Алексеевич.

— Что-то случилось?

— Случилось, случилось. Обхохочешься, — хмыкнул начальник и оборвал связь.

Петр Алексеевич, что нередко случается с владельцами крупных мебельных магазинов, слыл среди сотрудников салона законченным самодуром и бытовым деспотом, но к Сергею он относился отнюдь не плохо. Очевидно, начальнику льстило наличие двух высших образований у его подчиненного, да и о повышении зарплаты тот ни разу за два года службы не заикнулся. В общем, по всему выходило, что молодой человек соответствует занимаемой им должности продавца элитной мебели.

Всю дорогу Сергей тихо мурлыкал себе под нос «Что день грядущий мне готовит?». Таксист все понял по-своему и попросил на сто рублей больше, чем обычно.

Действительно, несмотря на поздний час, в витринах магазина горел свет. Петр Алексеевич сидел на итальянской софе у стены, перед ним стоял хорошо одетый господин, примерно ровесник Сергея, с кожаной папкой в руках и темных, не ко времени суток, очках в тонкой оправе.

— Вот и он, — радостно ткнул пальцем в подчиненного Петр Алексеевич и услужливо взглянул на позднего посетителя.

— Да, это я, — хмуро согласился Сергей. — Чем могу быть полезен?

— Ты, брат, в командировку поедешь... — начал объяснять ему начальник, но посетитель перебил его, протянул Сергею руку и представился:

— Герман Маннбарт, адвокат.

— Сергей Кашин, продавец, — в силу приличий пришлось представиться и молодому человеку.

— Короче, давай загранпаспорт на визу, у тебя утром самолет, — опять вмешался Петр Алексеевич. — У господина Маннбарта дом за рубежом, он хочет его обставить из нашего магазина. Дал предоплату за половину ассортимента. Большой, вероятно, дом.

— Очень большой, — кивнул покупатель и вопросительно взглянул на Сергея: — Вы согласны?

— Заграничный и общегражданский паспорта у вас, Петр Алексеевич, в сейфе. Помните, вы их ксерокопировать забирали три месяца назад? На всякий случай? Но за несколько часов визу не получают, — сказал тот, машинально меняя местами на столе письменный прибор и пепельницу.

— Консул сделает все от него зависящее. У меня нашлись аргументы, — улыбнулся ему адвокат.

— Надолго?

— Думаю, не более трех дней.

— А если я не соглашусь?

— Тогда я предложу вам больше.

— Вы умеете договариваться. А на сколько больше?

— Тысяч на десять. Фунтов, естественно.

Петр Алексеевич беспокойно заелозил по софе.

— Хорошо, что на десять. А какая тогда первоначальная сумма?

— Пятьдесят и полное содержание.

— Я бы согласился и на гораздо меньшую сумму, — саркастично усмехнулся Сергей.

— Я знаю, — улыбнулся ему в ответ посетитель, попутно поправляя воротник дубленки, подбитой норкой.

— Позвольте... — опять влез в разговор Петр Алексеевич.

Но смекалистый адвокат прервал его на полуслове:

— У меня в доме двести комнат.

— Двести! — изумился начальник, но тут же взял себя в руки. — Итак, Сережа, где у нас тут сейф?

— У вас под столом, — подсказал ему наш герой.

Сергей и адвокат вышли на улицу.

— А какая все-таки истинная цель поездки?

— Давайте пока будем придерживаться первоначальной версии, — интеллигентно уклонился от вопроса адвокат и протянул молодому человеку конверт. — Здесь пять тысяч. Вам же, наверное, нужно сделать какие-то покупки в дорогу.

— На пять тысяч фунтов стерлингов, ночью? — по-доброму съязвил Сергей.

Адвокат, кажется, не понял его шутки или не захотел понимать, а только показал на один из двух припаркованных у магазина автомобилей:

— Эта машина будет вас возить, куда вам заблагорассудится, а утром доставит в аэропорт. А пока дайте мне ваш заграничный паспорт.

Сергей протянул ему документ и пошел к указанному автомобилю. Уже взявшись за ручку двери, он все-таки уточнил:

— Я надеюсь, речь пойдет не о моей почке или печени для пожилого состоятельного клиента?

— Мой клиент, а вернее — клиенты, более чем здоровы, — ответил адвокат и сел в машину.

Сергей последовал его примеру и, только оказавшись на мягком сидении рядом с водителем, осознал, что сидит в «майбахе» стоимостью этак в полмиллиона.

— Хорошая машина, — констатировал он, обращаясь к пожилому водителю в костюме.

— Очень хорошая, — согласился тот. — Вы бы лучше назад сели.

— Ничего, — мягко отказался молодой человек. — Не буду пока привыкать.

— Хозяин — барин, — пожал плечами водитель. — Куда поедем?

— А какие магазины работают в половине двенадцатого?

— Никакие.

— Тогда в ночной клуб или ресторан. Нет, в одно местечко на Соколе. Я покажу, — махнул рукой Сергей. — Славное место — клуб «Кролик Джек Робертс Слимс».

Машина тихо, как подводная лодка, заскользила по пустому шоссе в указанном направлении.

В дороге Сергей предался размышлениям, присущим всем особям мужского пола двадцати семи лет, обремененным двумя высшими образованиями — филологическим и физико-математическим, и не имеющим видимых перспектив в карьерном росте по причине отсутствия когерентности к текущей реальности. Иными словами, зарабатывать деньги он так и не научился, любимой женщины не встретил, футбол не любил, настоящими друзьями не обзавелся, подвига не совершил, родину недолюбливал, но и за рубеж не торопился. Хотя при этом во многих редакционных коллективах имел репутацию приятного, талантливое парня. Мало того, его очерк «Парадокс Туллио Редже» получили высочайшую оценку специалистов в области популярного естествознания и почетный диплом.

— А что, собственно, мы теряем!? — думал Сергей, разглядывая проносящиеся за окном автомобиля мерцающие огнями рекламные стенды. — Ничего. Нет, конечно, можно было дописать давно начатый роман или наняться землекопом в археологическую экспедицию. Но, если я этого не сделал раньше, нет никаких гарантий, что я это сделаю потом. А тут — нереальный задаток и явно с мамой мы больше не увидимся. Тоже непонятно — хорошо это или плохо. Нет, это должно быть очень плохо. Вот! — и Сергей рефлекторно поднял верху указательный палец. — Надо две тысячи маме отдать. Более чем благородно, и когда у меня совесть, наконец, проснется, будет лишний аргумент

в мою пользу. Все равно за семь часов всю «котлету» я не истрачу.

Так он и поступил. Машина, изменив маршрут, вскоре затормозила у неказистого девятиэтажного дома. Сергей, на ходу выдумывая убедительный повод не задерживаться дольше, чем это необходимо для пересчета сорока пятидесятифунтовых бумажек, пошел к дому. И когда мама ему открыла дверь, он тут же затараторил:

— Все быстро! У жены Борщевского схватки, я ближе всех к его дому. Да, я гонорар получил. Половина тебе.

— Сподобились! — язвительно скривилась добрая женщина. — Месяц не звонил, думает, можно деньгами откупиться. Такие сейчас дети! Будь у них возможность, вообще бы с родителями не знакомились.

Сергей внутренне согласился, но промолчал и начал отсчитывать деньги.

— Мама, — попутно инструктировал он, — это не доллары, а фунты стерлингов, они дороже. Меньяй в государственном банке.

— Может, их туда и положить? — отвлеклась от обличительных речей мать.

— Не надо, их только что оттуда взяли, у них начнется депрессия, — покачал головой сын.

— Ладно, — усмехнулась она. — Главное, чтобы Павел не узнал, он мне из-за них голову своим нытьем провинутил. Да, — и на лице родительницы появилось истеричное выражение, — твой братик два экзамена завалил, а тебе на все наплевать!

— Мама! — снова воззвал он к здравому смыслу родительницы. — Купи что-нибудь себе, именно себе, а не родственникам. Все, я побежал, — и он выскочил на лестничную площадку.

— Я твоей бабке новый памятник поставлю, — крикнула ему в спину женщина.

— Нефритовый! — отозвался Серега, перепрыгивая по четыре ступени за раз.

Только на улице он облегченно перевел дыхание. Общение с мамой последние пятнадцать лет ему не доставляло удовольствия. Когда-то ее беспрерывные слезные истерики по любому поводу стерли на нотном листе подростковой души какой-то важный знак, отчего гармония была безвозвратно утрачена. Хотя он прекрасно понимал, что молодая, интересная и, что самое главное, незамужняя женщина имела серьезное препятствие для следующего брака именно в его лице. И хотя она сама никогда бы не призналась в этом даже себе самой, для Сергея это был абсолютный факт. Свою мать он никогда не винил, но никогда и не оправдывал. Он просто чувствовал отчуждение от нее и знал, что так быть не должно и что это характеризует его как никчемного человека.

Выйдя из подъезда, молодой человек мимоходом бросил взгляд на небо. У самого горизонта стелились две полупрозрачные полосы облаков, подсвечиваемые снизу огнями столичных индустриальных гигантов. Было что-то в памяти схожее с этим. Двенадцать лет, черед далеких огней

проходящей мимо электрички, на которой наконец может вернуться из города вечная студентка — мама, игрушечный замок, сложенный пьяницей дедом из детского пластикового конструктора, таинственный сосновый бор у реки с завязшим навсегда в болоте гусеничным трактором, родные скелеты линии высоковольтных электропередач, мерно гудящие под порывы ветра, и сотни ворон, дремлющих на проводах...

У подъезда его облаяла невесть откуда возникшая белая дворняжка; отмахнувшись от нее конвертом с деньгами, он едва не наступил в не замеченную им лужу и, добродушно выругавшись, сел в машину.

Только подъехав к бару, Сергей отвлекся от противоречивых, не приводящих ни к чему, кроме запоя, ассоциаций. Пришло время потратить большую часть случайного заработка. А ничто не лечит так эффективно искалеченные души, как пустые расходы.

Прежде всего, войдя в питейное заведение, молодой человек потребовал у старика-гардеробщика вызвать дежурного администратора и, когда тот появился, бодро навел справки — сколько он должен за тот раз?

В этот день дежурил Женья — человек без чувства юмора, что, впрочем, он с лихвой компенсировал гипертрофированным чувством ответственности, поэтому сразу уточнил — за какой именно раз, когда два бокала «Хайнекен» разбили или когда Сергей всех с Днем электрика поздравлял?

— За все считай, и я сегодня тоже шалить буду, — сообщил молодой человек и понял, что ему очень нравится быть платежеспособным.

— Милости просим, — недоверчиво буркнул Женя и пошел к себе в комнату искать счета, отложенные официантами.

— Что-то случилось? — участливо поинтересовался гардеробщик, до пенсии летчик-испытатель, по слухам, первый, кто сбросил водородную бомбу на безымянный атолл где-то в Тихом океане.

— Бабушка в Бразилии почила в страшных судорогах, оставила несколько миллионов, загородный дом и ученого орангутанга. Он умеет говорить «мама», — сообщил Сергей, заглядывая в зал.

Было поздно, зал практически пустовал — два-три посетителя, один из которых сразу приветливо махнул. По бессменному болотному плащу Сергей признал Андрея Петрова, главного редактора одного периодического издания, где он совсем не периодически, но все-таки вел колонку «Городские слухи».

— Миру мир, старикашка! — присаживаясь рядом с ним, поздоровался Сергей. — Я Гейзенберга дочитал.

— Будь осторожен, здесь Ильин, — сразу предупредил тот и попросил у бармена: — Мне виски, ему кальвадос, поллитра сидра и сырные шарики. Правильно, или ты женишься?

— Очень правильно, — подтвердил Сергей и успокоил собутыльника: — Ильина не боюсь, я ему сейчас долг верну.

— Серьезно?! — не поверил друг — Неужели роман дописал?

— Нет. Роман еще не дописал. Все банальнее — у меня бабушка в Бразилии преставилась, оставила несколько миллионов, загородный дом и бладахаунда. Он умеет говорить «мама».

— Мои искренние соболезнования, — на мгновение восскорбел Петров, но сумел быстро взять себя в руки и обратился к бармену, уткнувшемуся в экран телевизора, с которого известный юморист обреченно рассказывал древний анекдот: — Дружище, ты слишком задумался. Он шутит за деньги. Выключай это дерьмо и обслужи однополчан.

— А!! Карапузы! — раздалось за спиной у друзей. Они обернулись и обнаружили упомянутого ранее Ильина — человека с порядочной зарплатой и должностью биржевого маклера.

— Вот так кстати! — хлопнул его по плечу Сергей. — Я как раз Андрюхе говорил, что не смогу тебе отдать пятьсот баксов.

— Нет, я не рад, — невесело признался Ильин.

— У меня нет баксов, да и вообще баксы — это архаика, я тебе отдам фунтами стерлингов, — не замедлил его успокоить наш герой, хрустнул пачкой денег в кармане и протянул кредитору десять бумажек.

— Теперь я рад. Здесь больше, — уже веселее отозвался тот, с трепетом осязая купюры.

— Так ты лишнее прогуляй, все-таки не каждый день видимся, — посоветовал Сергей и поправил другу галстук.

Ильин воистину был человек дела и повторять не заставил.

— А мне мое меню: «Б-52» четыре раза подряд, пять порций блинчиков с маком и два больших «Гролша».

— Мужчина, столько переварить одному организму за раз нереально и небезопасно, — заметил Петров.

— А что реально, старина?! — резонно возразил маклер. — Поверьте мне, биржевику со стажем: вся наша жизнь — мираж. Эти ее майя от цен на нефть до поцелуя младенца.

— Поддерживаю, — согласился Сергей. — Нет ничего более нереального, чем реальность.

— Однако свой заказ подтверждаю: четыре «Б-52», пять блинов, два пива, — поставил в диспуте точку Ильин. — Реально, нереально, но меня очень возбуждает сам процесс переваривания. Фрейд меня побери!

Когда бармен устави́л перед друзьями вышеперечисленные заказы, Сергей поднял свою рюмку и провозгласил тост:

— Друзья! Время работает на других, и мы не работаем на время, а другие не работают на нас. Поэтому надо выпить!

— Выпить надо в любом случае, — согласился Андрей, но, икнув, заметил: — Отличный тост! Главное, его не запомнить!

— Я точно — ик! — не смогу запомнить эту чушь, — поддержал Ильин и выпил первым.